

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

ГОРОДА, КОТОРЫЕ НЕ СПЯТ · КНИГА I

НЕ
ВЫКЛЮЧАЙ

ночной эфир

18+

Надежда Чародейская

Не выключай

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Не выключа́й / Н. Чародейская — «Автор», 2026

В эфире — только ночь и чужие бессонницы. Лера Сомова четыре года собирает из них шоу, из-за которого город не выключает приёмники. Станция дышит на ладан. Она — нет. Из Москвы присылают человека, который закрывает лишнее. Кирилл Волков не повышает голос и не торгуется. У него в номере отеля — папка с приговором «Радио Реке» и старый приёмник, который он крутит, потому что снова не спит. В первую же ночь он находит её частоту. Он не знает, что утром сядет напротив этой женщины. Она не знает, что голос, который после полуночи просит: «просто поговорите ещё немного», принадлежит тому, кто выключит её лампу. Днём они делят один коридор и одну войну. Ночью — одну тишину.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Красная лампа	5
Глава 2. Номер четыреста двенадцать	9
Глава 3. Человек в чёрном пальто	12
Глава 4. После полуночи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Надежда Чародейская

Не выключай

Книга первая цикла «Города, которые не спят»
Надежда Чародейская

Глава 1. Красная лампа

Лера

Красная лампа загорелась в одну семнадцать.

Это единственный закон, который я ещё соблюдаю. Когда горит она — я не вру. Можно не договаривать. Можно молчать дольше, чем позволяет формат. Нельзя — врать.

За стеклом Игорь Палыч поднял большой палец, не отрывая второй руки от пульта. Наушники пахли чужим шампунем и пылью. В трубке кто-то дышал так, словно всю дорогу от Ростова держал эту паузу на коленях.

— Радио Река, ночной эфир. Я слушаю вас.

— Лер, ты? — голос был охрипший, молодой и сразу старый. — Это Серёга, я на четвёрке, между Павловском и... ну, ты поняла. Снег орёт по стеклу, как будто кто-то сыплет крупой. Поговори со мной, а? А то сейчас сам с собой начну.

Я улыбнулась так, чтобы улыбку было слышно.

— Сам с собой ты и так всю дорогу, Серёг. Расскажи, что везёшь.

— Запчасти. И одну дурацкую мысль, что если остановиться — уже не тронусь. Ты там чай пьёшь?

— Пью. Очень плохой.

— Вот и хорошо. Значит, мы оба на своих местах.

Он засмеялся и закашлялся. Я дала ему ещё полминуты — про жену, которая не спит в Калуге, про то, как фары вылизывают мокрый асфальт, — и мягко вывела в песню. Не ту, что просит рекламный отдел. Ту, что держит человека на дороге.

Когда в студии снова стало тихо, я сняла один наушник. За окном Воронеж был чёрный, с жёлтыми бусами набережной и тонкой кромкой льда у быков Чернавского моста. Река в январе не замерзает как следует. Делает вид.

На втором мониторе мигнула почта.

Тема: «С понедельника». От кого: Марина Викторовна, директор.

«Лера, с десяти утра на станции представитель управляющей компании „Октава Медиа“. Аудит, оптимизация, сотрудничество обязательно. Просьба выглядеть презентабельно и не устраивать эфиров „про правду“. М.В.»

Я прочитала дважды. Слово «оптимизация» в нашей отрасли звучит так же, как «ампутация» в хирургии: вроде бы чтобы спасти, и всегда отрезают живое.

Игорь Палыч постучал ногтем по стеклу.

— Живой ещё? — хрипло спросил он в служебный микрофон. — У тебя лицо, как у человека, которому прислали счёт за чужую свадьбу.

— Из Москвы едет санитар.

Он долго смотрел на меня. Потом снял свои вечные наушники, и седые волосы встали хохолком.

— В восемьдесят девятом нас уже хоронили. В двухтысячном. В четырнадцатом. Мы, знаешь ли, плохо горим.

— Они больше не жгут, Игорь Палыч. Они просто выключают.

Я вернулась в эфир до того, как он успел ответить. В городе в эту минуту не спали: санитарки после смены, студенты перед сессией, женщины, у которых в соседней комнате кто-то тяжело дышит, мужчины, которые боятся лечь, потому что во сне приходит то, от чего днём получается отшутиться. Я знала их по голосам. Голоса честнее лиц.

В два сорок позвонила женщина и минуту молчала.

— Я здесь, — сказала я. Не «говорите», не «не стесняйтесь». Просто: я здесь.

— Дочка сегодня ночью уехала в Питер, — наконец выговорила она. — Квартира гудит, как пустой холодильник. Я поставила ваш эфир на кухне, чтобы кто-то ходил по комнатам. Можно я не буду рассказывать?

— Можно. Оставайтесь. Я буду говорить достаточно громко.

После гудков я поставила длинную вещь без слов — гитару и много воздуха. Смотрела на красную лампу и думала, что если станцию закроют, эта женщина останется с холодильником наедине. Потом оборвала себя: я не благотворительный фонд. Я ведущая умирающего регионального FM, у которой в холодильнике как раз то самое гудение и банка маслин.

В четыре ноль две я сказала то, что говорю каждую ночь.

— Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Оставайтесь до конца. Я никуда не уйду. Лампа погасла.

Это уже была ложь. Просто лампа не видела.

На улице пахло мокрым железом и снегом, который не успел стать красивым. Я завернулась в старое пальто, кивнула охраннику дяде Коле — он дочитывал детектив, не поднимая глаз, — и пошла вдоль реки.

Город в половину пятого честный. Видны все швы: облезлая краска на парапете, пакет, намотанный на ветку, реклама кредита, которой стыдно при дневном свете. Под мостом тянуло сыростью. Где-то далеко скрежетал трамвай, один, как человек, который не понял, что смена кончилась.

Я люблю этот час больше, чем любой другой. В нём нет обязанности быть живой для кого-то. Только идти и слышать собственный шаг.

Дома меня ждал не кот и не мужчина. Плед на батарее, кружка с отбитой позолотой, тишина, которую я сама себе устраиваю после четырёх часов чужих бессонниц. Я приняла душ, вымыла изо рта чужой чай и чужие истории, легла лицом в подушку и провалилась не в сон — в короткое чёрное окно.

Разбудила Таня. Не звонком — сообщением, которое ударило в тумбочку в девять двенадцать.

«Москвич в десять. Надень что-нибудь взрослое. И ради бога не это серое, в котором ты хоронишь ночь. Целую. Если что — я рядом и готова случайно пролить на него кофе.»

Я посмотрела в шкаф. «Взрослое» у меня — это чёрный свитер, в котором не стыдно за собственную усталость, и джинсы, которые помнят Москву и не напоминают о ней вслух. Туфли на каблуке я оставила там, в другой жизни, вместе с человеком, который говорил «мы команда», пока продавал мой голос как формат.

Надела свитер. Завязала волосы. В зеркале была женщина тридцати лет, которой хватает лица для ночи и не всегда хватает на утро. Это меня устраивало. Днём я не обязана быть красивой. Днём я обязана быть неудобной.

На кухне я съела вчерашний сыр и выпила кофе, горький до злости. За окном правый берег потихоньку включался: сначала окна, потом машины, потом чужие разговоры на оста-

новке. Река лежала тяжёлая, свинцовая. Если прислушаться — а я всегда прислушиваюсь — под льдом что-то слабо стучало. Как будто город тоже не спал и стеснялся в этом признаться.

В телефоне второе письмо от Марины, уже паническое: «Лера!!! Он из самого управления. Волков Кирилл Сергеевич. Не спорь с ним при всех. Пожалуйста.»

Я ответила: «Я вообще редко спорю при всех. Обычно — после.»

И вышла в январь, в котором снег снова шёл наискосок, как помехи в эфире.

Станция снаружи всегда кажется меньше, чем есть. Серое трёхэтажное тело 1974 года, вышка с ободранной краской, табличка «Радио Река 103,1», которую кто-то однажды пытался открутить и бросил. В холле пахло влажной шерстью, бумагой и тем прелым теплом, которое держат старые батареи.

Таня стояла у турникета в красном пальто, не по сезону смелом, и жевала никотиновую жвачку.

— Ты в похоронном, — сказала она вместо приветствия. — Отлично. Пусть сразу поймёт, с кем имеет дело.

— С кем он имеет дело?

— С нами. Это уже много. Я гуглила. Волков — не толстый дядька из министерства. Он тот, кого присылают, когда решение уже принято, и нужно, чтобы все расписались красиво. Закрыв три станции в Черноземье за год. Одну газету. Ещё что-то на Урале. Прозвище у него в тусовке есть, но я при детях не повторяю.

— Соня на стажировке, ей девятнадцать. Она не ребёнок.

— При Соне тем более.

Таня взяла меня за локоть. У неё всегда тёплые пальцы, даже в январе. Это несправедливо.

— Лер. Только не геройствуй в одиночку. У меня сын, у Палыча пенсия, у Марины ипотека на ту дурацкую двушку. Если будешь рвать рубаху — рви так, чтобы нас под ней не порвало.

Я кивнула. Кивок ничего не стоил, и мы обе это знали.

В конференц-зале уже расставили воду в пластике и печенье «Юбилейное», будто аудитора можно задобрить советским сахаром. Марина Викторовна тёрла руки, хотя в зале было жарко. На новом флипчарте криво держалось слово «СИНЕРГИЯ», оставшееся от прошлого тренинга. Я села у окна, спиной к реке, лицом к двери. Так всегда лучше: видишь, кто входит, и не видишь, что придётся отдать.

В 10:01 дверь открылась без стука.

Я ждала человека с кейсом и улыбкой продавца. Или мальчика в кашемире, который говорит «давайте на „ты“, мы же креатив».

Вошёл тот, кого голос сначала отмечает, а уже потом — глаза.

Высокий, сухой, в чёрном пальто, на плечах которого ещё таял чужой снег. Тёмные волосы, седина у висков не как украшение, а как недосып, который решил остаться. Лицо без рекламы: ровное, закрытое, с тенью бессонницы под глазами. Он снял перчатки медленно, палец за пальцем, и положил их на стол так, словно перчатки тоже были документом.

— Кирилл Волков, — сказал он. Голос сел в комнату сразу, без усилия. Низкий, ровный, без актёрства. Таким голосом не торгуют на радио только потому, что его обладатели обычно не приходят на кастинги. — «Октава Медиа». Спасибо, что нашли время.

Марина защелкала. Таня села ровно. Соня, бедная, уронила ручку.

Я смотрела на его рот и думала глупость: этот человек всю ночь мог бы читать объявления о погоде, и кому-то стало бы легче.

Потом он посмотрел на меня.

Не сверху вниз. Прямо. Так смотрят на строчку в отчёте, которая не сходится.

— Валерия Сомова, — сказала Марина торопливо. — Наше ночное... лицо. То есть голос. Лера, Кирилл Сергеевич как раз хотел...

— Я знаю, кто она, — сказал он тихо. И это «знаю» легло странно. Слишком лично для человека, который видит меня первый раз. — Шоу «Пока город спит». Единственный слот с удержанием аудитории выше ноля. Поздравляю.

Это не было комплиментом. Это было вскрытием.

— Спасибо, — сказала я. — Мы очень гордимся тем, что ещё не умерли. Вам кофе? Он у нас тоже выживает вопреки.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Помеха.

— Потом. Давайте сначала о цифрах.

Он открыл тонкую чёрную папку. Не планшет — бумагу. Старомодно и от этого опаснее: с бумагой нельзя сделать вид, что она «не загрузилась».

Дальше был час, в который нашу жизнь переложили в столбцы. Реклама минус восемнадцать. Средний возраст слушателя — сорок семь. Федеральные пакеты дешевле, чем живой эфир. Здание на балансе «неэффективно». Вышка требует ремонта, которого никто не заложил. Ночное шоу — «локальный всплеск без масштабирования».

Каждое слово было правильным. И каждое — врало.

Я ждала, когда Марина скажет хоть что-нибудь кроме «мы готовы к диалогу». Не сказала. Таня пинала меня под столом носком сапога: не надо, не сейчас, не при всех.

В конце он закрыл папку.

— На этой неделе я буду здесь каждый день. Мне нужны эфирные журналы, договоры, доступ в архив и присутствие на слотах. В том числе ночных.

Марина побледнела.

— Ночных? Кирилл Сергеевич, там же... публика специфическая, и Лера работает одна, и...

— Тем более, — сказал он. — Я слушаю всё, что собираюсь оценить.

Слово «оценить» он произнёс вместо другого. Все это услышали.

Я встала. Стул коротко крикнул.

— Тогда добро пожаловать в один час ночи, Кирилл Сергеевич. У нас нет печенья. Зато есть люди, которым не спят по причинам, не входящим в вашу папку.

Он смотрел на меня без раздражения. Хуже: с интересом, холодным и точным, как настройка микрофона.

— Я приду, — сказал он. — Не опаздывайте.

— Это моя студия, — ответила я. — Опаздывать в ней можете только вы.

Таня закрыла глаза. Марина тихо простонала «боже». Соня записывала, кажется, вообще всё, включая мою глупость.

Волков кивнул — коротко, почти уважительно — и вышел так же, как вошёл: без стука, оставив на столе тающий снег с воротника и запах холода.

Не парфюм. Холод.

Я ненавижу, когда тело отмечает человека раньше, чем голова успевает сказать «нет».

Глава 2. Номер четыреста двенадцать

Кирилл

Самолёт сел в слякоть, как в плохую новость: мягко и сразу тяжело.

Воронеж из иллюминатора был плоский, мокрый, с рекой цвета мокрого асфальта. Я люблю такие города. В них меньше театра. Больше правды в углах домов.

В такси пахло хвоей освежителя и чужим обедом. Водитель спросил, в командировку ли, и не стал ждать ответа. За окном шли гаражи, потом советские ленты кварталов, потом центр, который делает вид, что он про Европу: вывески, кофейни, мокрый камень. Я смотрел не на это. Я смотрел, сколько в городе ещё живых вывесок. Живая вывеска — та, под которой вечером стоит хотя бы один человек не из рекламы.

Отель «Северный» оказался ровно тем, чем должен быть отель для людей вроде меня: ковёр, который глушит шаги, коридоры цвета слоновой кости, улыбка на ресепшене, не достигающая до глаз. Номер четыреста двенадцать. Девятый этаж. Вид на проспект, на мокрые крыши, на рекламу телефона, с которого якобы начинается новая жизнь.

Я распаковал чемодан за двенадцать минут. Рубашки, чёрное, серое, папка, зарядки, таблетки, которые не снотворное и всё равно не работают. Поставил ноут. Открыл файл.

«Радио Река». Региональный актив. Частота 103,1. Здание — интерес к участку у набережной. Рекомендация управляющего комитета: сокращение живой сетки, перевод под федеральный пакет, подготовка объекта к смене назначения. Срок: шесть недель. Куратор на месте: К. С. Волков.

Шесть недель — это вежливость. Обычно хватает трёх.

Я знаю, как это делается. Сначала цифры. Потом лица. Потом тишина, в которой уже никто не спорит, потому что спорить негде. Люди потом говорят: он был корректен. Это самое страшное, что обо мне можно сказать.

В семь вечера я съел безвкусную рыбу внизу, в ресторане с вилками тяжелее смысла. В девять ответил Лапину: «На месте. Завтра первая рамка». В десять лежал на кровати и смотрел в потолок, который ничего мне не был должен.

Бессонница — не романтика. Это профессия. Когда долго выключаешь чужие шумы, свой собственный становится невыносимым. В голове всегда остаётся последняя редакция: макет полосы, которую больше не напечатают. Голос отца в трубке: «Ты хотя бы название оставил?» Я оставил. На две недели. Потом пришла сеть объявлений.

Я встал. Прошёл до окна. Проспект блестел, как мокрый кабель. В номерах напротив кто-то смотрел футбол без звука. Я открыл мини-бар, закрыл, не взяв ничего. Алкоголь даёт сон на час и утро, за которое стыдно перед самим собой. Стыд у меня и так в профиците.

На тумбе стояли часы с приёмником. Чёрная пластмасса, зелёные цифры, колёсико настройки — вещь из другого договора с временем. Уборщица, видимо, не решилась выбросить.

Я крутанул колесо.

Сначала реклама вклада. Потом поп, в которой девушка обещала ненавидеть и любить в одной строчке. Потом церковный хор на чьей-то волне, залетевший сюда по ошибке атмосферы. Потом треск.

Потом — она.

Голос вошёл в комнату без стука. Низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой, как после долгого разговора на морозе. Не «радиоведущая из ролика». Живой рот близко к микрофону.

«...не надо объяснять, почему не спится. Это вообще необязательно, вы не на приёме. Просто оставайтесь. За окном снег, в студии плохой чай, и нам с вами, кажется, по пути.»

Я сел на край кровати.

Не потому что красиво. Потому что тело, которое шесть месяцев не умело выключаться, вдруг нашло ручку громкости.

Она говорила с кем-то — с женщиной, у которой дочка уехала в Питер. Не жалела. Не давила на слезу. Держала паузу так, как умеют только люди, которые сами боятся пустых квартир. Потом поставила музыку без слов. Гитара шла по номеру, как свет из-под двери.

Я лёг поверх покрывала, не раздеваясь. Пальто висело в шкафу, но холод остался в плечах, привычный, командировочный. Приёмник светился зелёным, по-больничному.

«Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Оставайтесь до конца. Я никуда не уйду.»

Я закрыл глаза.

И — вот глупость, вот профессиональный провал — уснул.

Без таблетки. Без счёта вдохов. Без той внутренней дыры, в которую обычно падаю до утра.

Мне снился не отец. Не закрытая редакция. Снилось река под мостом и голос, который шёл по воде, как по проводам.

Проснулся в семь десять от собственного стыда.

Сначала не понял, где я. Потом понял хуже: что именно меня выключило. Зелёный глазок приёмника всё ещё горел. В эфире уже утро — бодрый мужской тембр, пробки, шутки про погоду, реклама мебели. Её не было. Ночь кончилась, как должна кончаться ночь: без обязательств.

Я встал под душ, выкрутил воду до горячего, потом до ледяного. В зеркале был человек, которого вчерашний сон сделал слабее. Сон — это уже зависимость. Зависимость от актива, который я приехал убить, — это уже анекдот.

В папке на столе лежала распечатка. «Сомова В. А., 30 лет. Ведущая ночного эфира. Ранее — штат московской станции „Капитал FM“, слот 00:00–03:00. Увольнение по соглашению сторон, 2022. Локальная аудитория лояльна, рекламный потенциал ограничен.»

Ограничен. Какое аккуратное слово для живых.

Я завязал галстук и снял его. Слишком похоронно, даже для меня. Осталась чёрная водолазка и пальто. В лифте смотрел на свои руки и думал, что отец в такие минуты доставал сигарету, даже когда уже не курил: просто чтобы пальцам было что держать вместо вины.

До станции шёл пешком. Хотелось понять город ногами, не через стекло такси. Слякоть заходила в обувь. На остановке женщина ругалась в трубку тихо, почти нежно. Напротив киоск продавал цветы, которые в январе выглядят как извинение.

Здание «Радио Реки» я узнал по вышке. Она была ржавая и упрямая. Такие вышки ещё помнят, что голос может идти далеко без приложения.

В холле меня встретила женщина в красном пальто — Белова, продюсер утра, разведена, ребёнок, кредит. Я знал это до рукопожатия. Это моя болезнь: я приезжаю в чужие жизни уже прочитанным файлом.

— Кирилл Сергеевич, — сказала она слишком бодро. — Мы очень рады. То есть мы готовы. То есть... Марина Викторовна наверху.

— Я не кусаюсь, — сказал я.

— Жаль, — ответила она и тут же испугалась собственной шутки. — Кофе?

— Потом.

В зале была вода, печенье и страх. Страх имеет запах: дешёвый парфюм поверх пота. Директор улыбалась так, словно улыбка могла войти в отчёт отдельной строкой. Стажёрка писала слишком много. У окна сидела она.

Я узнал голос раньше лица. Это было физически нелепо: днём, в свитере цвета мокрого асфальта, с волосами, собранными так, будто руки делали причёску в лифте, она не совпадала с ночью. И совпадала полностью. Рот. Посадка плеч. Способ смотреть — не снизу, не сверху, в упор, как в микрофон.

Валерия Сомова. Актив. Проблема. Человек, из-за которого я сегодня проспал без таблеток.

Я сказал её имя раньше, чем следовало. Сказал «я знаю, кто она» — и увидел, как это её кольнуло. Хорошо. Пусть колет. Если начнём с нежности, я не закрою даже дверь.

Цифры я знал наизусть. Произносил их спокойно. Спокойствие в таких комнатах действует сильнее крика: люди начинают ненавидеть себя за то, что не могут возмутиться так же тихо.

Она возмутилась иначе. Встала. Стул крикнул.

— У нас нет печенья. Зато есть люди, которым не спят по причинам, не входящим в вашу папку.

Я почти улыбнулся. Помешал себе.

Мне нравятся люди, которые защищают уже горящий дом. Не потому что они правы. Потому что в этот момент они живые, а я — нет.

— Я приду, — сказал я про ночь. И сам услышал, как это прозвучало.

Не опаздывайте, добавил, чтобы вернуть дистанцию. Она вернула сильнее.

В коридоре было холоднее, чем в зале. Я остановился у старой фотографии на стене: семьдесят четвёртый, люди в галстуках у микрофона с гербом. Подпись выцвела. Осталось только «в эфире».

Белова догнала меня у лестницы.

— Она не стерва, — сказала быстро. — Она просто... это её дом. И ещё один дом у неё уже отбирали. Имейте в виду, если собираетесь быть человеком, а не папкой.

— А если папкой?

Таня Белова посмотрела на меня так, как смотрят на погоду: без иллюзий.

— Тогда хотя бы не слушайте её ночью. Это нечестно.

Я ничего не ответил.

Потому что уже слушал. И уже знал, что вечером снова включу зелёный глазок. Не для аудита. Для того, чтобы проверить, повторюсь ли я в слабости.

Слабость, которая работает, — самая дорогая из всех.

На улице снег пошёл гуще. Я поднял воротник и подумал, что шесть недель — слишком много, если в первую ночь город уже говорит со мной её ртом.

Глава 3. Человек в чёрном пальто

Лера

После совещания в студии пахло чужим холодом ещё час.

Это глупо — запахи так не работают. Но я снимала эфир вчерашней ночи, вычищала «э-э» у Серёги с трассы и всё равно слышала его голос поверх: ровный, низкий, без права на возражение. «Я слушаю всё, что собираюсь оценить».

Оценить. Как мебель. Как частоту. Как меня.

— Он к тебе неровно, — сказала Таня, ввалившись с двумя стаканами кофе. — Не в том смысле. В том, что смотрел, будто ты опечатка, которую хочется оставить.

— Он смотрел, будто я строка убытков.

— И это тоже. Мужики вашего типа совмещают.

— Какого «вашего»?

— Которые спят по четыре часа и думают, что это характер.

Я засмеялась, нехотя. Кофе обжёг губу. За стеклом Соня проводила экскурсию для самой себя: трогала старые катушки, которые давно не крутятся, и делала вид, что это практика, а не страх увольнения.

— Тань. Насколько плохо?

Она села на стол, качнула ногой. Красное пальто сбросила на стул, как флаг.

— По деньгам — плохо. По зданию — очень. Я слышала, набережную давно облизывают под апартаменты с «видом на воду». Вода у нас, конечно, та ещё открытка, но застройщикам всё равно, они потом воду нарисуют в буклете. Частота — вот что их ест. Частоту можно продать. Нас — нет.

— Значит, нас вынут, частоту оставят.

— Или наоборот, если так выгоднее. Ты же понимаешь: мы для них не радио. Мы обременение на красивом пятачке земли.

Я покрутила кольцо на кружке. Давно стёртое, ещё отцово, с якорем. Отец говорил: якорь нужен не чтобы стоять, а чтобы не унести туда, куда тебя не звали.

— Я не отдам ночь, — сказала я.

— Я знаю. Поэтому и боюсь.

Игорь Палыч появился в дверях с запахом улицы и дешёвого табака.

— Москвич ходит по первому этажу и считает розетки, — сообщил он с уважением к розеткам. — Вежливый. Это хуже грубого. Грубый хотя бы орёт, и ты понимаешь, куда бить.

— Пусть считает, — сказала я. — В розетках у нас тоже характер.

Палыч хмыкнул и, уже уходя, добавил:

— У него голос хороший. Зря он бумажки. Надо было в эфир, в семьдесят каком-нибудь. Тогда ещё брали таких, молчаливых.

Я не ответила. Думать о его голосе было опасно. Голос — моя профессия. Если начну слышать его отдельно от папки, я проиграю быстрее, чем станция.

Он пришёл в архив без предупреждения, в три дня.

Архив у нас — не романтика винила. Это подвал с запахом сырой бумаги, стеллажи, где лежат эфирные журналы с девяностых, коробки с плёнками, которые некому оцифровать, и один обогреватель, который врёт градусником. Лампочка качалась, когда кто-то ходил наверху.

Я стояла на стремянке и искала журнал за ноябрь, когда дверь скрипнула.

— Вас предупреждать? — спросила я, не оборачиваясь.

— Обычно нет, — сказал Волков. — Но могу научиться.

— Не надо. Притворимся, что это ваш дом. Вам же так спокойнее.

Он не обиделся. Подошёл ближе, и стремянка стала казаться глупее, чем была. Я спустилась. Мы оказались слишком близко для подвала и слишком далеко для разговора, который можно назвать рабочим. На нём всё ещё было пальто. В подвале от этого шло тепло, как от машины, которую только что заглушили.

— Мне нужны журналы ночных слотов за три года, — сказал он. — И договоры с рекламодателями, которые крутятся только у вас.

— Они крутятся у нас, потому что им некуда больше идти после полуночи. Аптеки. Такси. Один пивовар, который считает, что бессонница повышает продажи тёмного.

— Романтика рынка.

— Рынок тут ни при чём. Люди просто пьют, когда не спят. Вы тоже, или у вас для этого таблетки?

Он посмотрел на меня внимательнее. В плохом свете было видно, что бессонница у него не метафора: тонкая краснота по краю века, слишком прямая спина человека, который уже не надеется отдохнуть и поэтому не сутулится.

— Таблетки, — сказал он просто. — Не помогают.

Это было слишком честно для первого дня. Я не знала, куда деть честность, и сунула ему в руки пыльную папку.

— Держите. Только не читайте вслух. Там почерки наших покойных бухгалтеров, можно испугаться.

Он почти улыбнулся. Опять эта помеха в углу рта. Я отвернулась к стеллажу, потому что смотреть на неё было всё равно что крутить ручку громкости на себе.

Мы работали сорок минут почти молча. Он читал быстро, отмечал карандашом, не комментировал глупости, которых в наших бумагах хватало. Иногда спрашивал коротко: почему этот договор на физлицо, куда делся слот в два часа в двадцать третьем, кто такой «Трасса» в журнале, который звонит дважды в неделю. Я отвечала так же коротко. Подвал делал из нас двух людей, которые могут не воевать, пока над ними пол.

Потом он сказал:

— В Москве вы делали почти то же самое.

Я выпрямилась.

— Вы читали моё дело. Поздравляю. Там ещё есть рост, вес и причина увольнения «по соглашению»?

— Там есть дыра, — сказал он. — Человек не уходит со столичной ночи на региональную без крови. Вам сделали больно или вы сами?

— Какая разница для аудита?

— Никакой. Для разговора — есть.

Я захлопнула коробку громче, чем собиралась. Пыль встала между нами золотой в полоске света из окошка под потолком.

— Мне сделали больно. Потом я сама. Это обычно идёт комплектом. А теперь, Кирилл Сергеевич, можете вернуть в папку человека и оставить ведущую. Ведущую вам считать проще.

Он кивнул. Принял удар, не отбивая. Это бесило сильнее, чем если бы огрызнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда только ведущая. Завтра ночью я буду в аппаратной. Не в эфире. За стеклом. Мне нужно понять, как устроен слот.

— Понять или отключить?

Он задумался на секунду. Настоящую, не актёрскую.

— Сначала понять. Я редко вру в первую неделю.

— А на второй?

— На второй уже не нужно. Все сами всё понимают.

Он взял папки под мышку, кивнул на стремянку — «осторожнее» — и ушёл по железной лестнице, оставляя за собой запах холода и бумаги.

Я села на нижнюю ступеньку и долго смотрела на своё отражение в тёмном окошке: маленькое, злое, живое. Подвал гудел обогревателем. Наверху кто-то смеялся — Соня, кажется. Смех в этом здании теперь звучал как контрабанда.

Ночью снег стал сухим. Это сразу слышно: он больше не шлёпает, а шепчет.

Я пришла за час, как всегда. Прогрела микрофон голосом, попила чай, который Игорь Палыч заваривает так, будто мстит чаю. В записке на пульте Таня вывела: «Он сказал, что придёт. Если придёт — смотри в лампу, не в стекло. Целую. И не влюбляйся в санитарную обработку.»

Я написала в ответ: «Иди спи. У тебя в семь пробки.»

В полночь лампа зажглась.

Город выдохнул в трубки. Сначала диспетчер скорой, которая хотела «просто чужой голос, пока еду на вызов, где уже некого спасать». Потом парень с левого берега, у которого «мысли как трамваи — пустые и по расписанию». Потом тишина, песня, снова тишина. Я работала хорошо. Злость делает меня точнее, это стыдно, но это так.

В час двенадцать за стеклом появился он.

Не сел сразу. Постоял, чёрное пальто на крючке у Палыча — уже висело, значит, вошёл тихо, как умеет. Водолазка, усталость, руки в карманах. Смотрел не на меня. На красную лампу. Потом на пульт. Потом всё-таки на меня.

Я не кивнула. Кивнуть значило пустить.

Палыч сунул ему запасные наушники, старые, с облезлой кожей. Волков надел их без брезгливости. Это я тоже себе записала: человек, который не брезгует чужими наушниками, либо простой, либо очень хорошо притворяется. Простыми они не бывают.

Он слушал.

В этом было что-то невыносимое. Днём он резал нас на столбцы. Сейчас сидел в полутьме аппаратной, и по лицу — вот беда — было видно, что он слышит. Не «оценивает». Слышит. Когда я сказала женщине с пустой квартирой: «я буду говорить достаточно громко», он закрыл глаза. На три секунды. Как человек, которому попали в старый синяк.

В два часа семнадцать на пульте замигал прямой.

Я подняла трубку.

— Радио Река. Вы в эфире, если хотите. Можете и не в эфире. Как вам легче.

Шум. Не комнатный — мотор на холостых, дворники, детский плач на заднем сиденье.

— Не в эфире, — сказал мужчина. Голос низкий, но не его: выше на полтона и с проглатываемой «о». — С смены еду. Ребёнок орёт, жена орёт, я орёт внутри. Посидите три минуты, а?

За стеклом Волков сидел с закрытым ртом. Наушники. Руки сложены. Не телефон.

Голова сказала: вот видишь, не он. Тело всё равно держало волну с совещания и не хотело отдавать её случайному отцу в машине.

— Три минуты есть, — сказала я. — Ребёнку сколько?

— Год и два. Зубы. Вы не представляете.

— Представляю плохо. Оставайтесь. Я буду говорить не очень умно, зато ровно.

Он остался на две песни. Потом сказал «спасибо, тётъ» — и я впервые за ночь почти рассмеялась. За стеклом Волков открыл глаза. В этом взгляде не было вопроса «кто тебе звонит». Был другой: «как ты это делаешь».

Я не знала, как. Я просто не вешаю трубку первой. Это единственное приличие, которое у меня осталось.

Гудки.

За стеклом Кирилл Волков снял наушники. Пальцы у него были длинные, с коротко срезанными ногтями, без кольца. Он посмотрел на меня сквозь стекло так, словно стекло было лишним.

Я поставила заставку, выключила свой микрофон и сказала в служебную связь:

— Если собираетесь закрыть это, хотя бы имейте смелость не получать от этого удовольствия.

Он наклонился к своему микрофону. Голос пришёл сухой, чистый, без эха комнаты:

— Кто сказал, что я получаю.

— У вас лицо, — сказала я. — Оно сейчас не из папки.

Пауза. Потом, почти слышно:

— Идите в эфир, Сомова. У вас горит лампа.

Я пошла. Потому что лампа в самом деле горела. Потому что город ждал. Потому что если смотреть на него ещё десять секунд, я спрошу, почему человек, который приехал нас выключить, слушает так, будто это его единственный шанс на сон.

В четыре ноль две я сказала своё.

— Если вы ещё не спите — значит, мы свои. Я никуда не ухожу.

За стеклом он стоял уже без наушников, рука на крючке, пальто в пальцах. Губы беззвучно повторили последнее слово. Не улыбаясь.

«Не ухожу».

Потом кивнул Палычу, мне — нет, и вышел в коридор, где всю зиму гуляет сквозняк, как чужая собака.

Я сидела, пока лампа не погасла, и держала ладонь на тёплом пластике микрофона.

В служебной связи ещё сидел его «кто сказал, что я получаю».

Сухой. Чистый. Слишком близкий.

Глава 4. После полуночи

Кирилл

Я не должен был звонить.

Это предложение можно повесить на стену во всех моих командировках. Под ним — фотографии станций, которых больше нет.

После эфира я дошёл до отеля пешком. Снег скрипел уже по-настоящему, по-зимнему, не по-слякотному. Река под мостом была чёрная, с редкими белыми швами. Город уменьшился до звука собственных шагов и чужого голоса, который всё ещё сидел в ушах, как вата после самолёта.

В номере четыреста двенадцать пахло чужим уютом и моим чаем. Я поставил пальто сушиться, открыл ноут, набрал Лапину короткую ложь: «Актив понятен. Сетка избыточна. Иду по плану». Отправил, не перечитав. Перечитывать ложь — уже близость к ней.

Лег. Встал. Налил воду. Сел у окна.

Приёмник молчал. Я сам его выключил утром, как выключают слабое место.

В голове крутилось не это. Крутилась она за стеклом: как наклоняет голову к микрофону, как прикрывает глаза, когда слушает чужую паузу, как злится красиво — не криком, точностью. И та трубка. Прямая линия, не эфир. Кто-то ехал с ребёнком и зубами, и она сказала ему: «оставайтесь». Голосом, которого не было для меня днём.

Я завидовал человеку в машине. Это было низко и очень ясно.

В 00:41 следующих суток — я смотрел на часы, значит, уже проиграл — я взял телефон с новой симкой. Старой привычкой командировок: отдельная линия для того, чего не должно быть. Набрал ночной номер станции, тот, что висел на сайте мелко, под словами «если не спится».

Гудки. Короткие, провинциальные.

— Радио Река. Вы в эфире, если хотите. Можете и не в эфире. Как вам легче.

Я закрыл глаза. Её голос без стекла был хуже. Ближе.

— Не в эфире. Просто... не спится.

Пауза. В этой паузе я понял, что она меня слышит. Не «узнала». Слышит. У Сомовой слух как у животного, которое живёт в темноте.

— Хорошо. Тогда будем не в эфире. Как к вам обращаться?

Я чуть не сказал имя. Зубы остановили язык.

— Никак. Можно просто слушать.

Она пошутила про витамины. Я ляпнул про отравление чужим голосом и захотел повеситься на шнуре чайника. Она не повесила трубку. Сказала: не уходите. Принцип. Не бросаем на полуслове.

Я остался, как остаётся человек, которому разрешили сесть в тёплом подъезде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.